

4. Василий Б.В., авт. инсц.
5. Мобиль Ю.П., Гайдискин В.А.
6. Адамс — Адам — ТЮЗ
7. режиссёр: Мен Дон Эй
художник: Гейдебрехт Э.
композитор: Рудянский А.

ЛЕНИНСКИЙ БУДУЩАЯ
с. Адамс-Адам

16 ДЕК 1971

„А зори здесь тихие...“

(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОВЕСТИ И СПЕКТАКЛЕ)

Эту историю по объему повесть Борис Васильев мы читали в журнале «Юность» в 69 году. «А зори здесь тихие...» Повесть об Отечественной войне, собственно, не о войне даже, а об одном из таких героических и героических ее эпизодов, об одном из сотен — десятков, страшных и мужественных ее дней. Повесть о защитно-пулеметном отряде, автарийшем оторванном между фронтом и тылом и о солдатах этого отряда — собственно, и ее солдатах даже — о девочках, назвавших шифры, чтобы защитить свою Родину, и о старшине Флаге Васкове, их командире.

Нет в повести батальных сцен и грандиозных сражений. Но вопреки (а может быть, благодаря этому) она трагичнее и пронзительнее кажется гибель пяти юных жизней, пяти судеб, которые так и не сбылись. Тихие зори, и лес, куда им бегут, их не спасают, и их Родину, коверкаясь, возвращаясь в колодезья, в этот момент, ставшей кровавым, лес. Война еще огульная и обманчива оттого, что повествователь смотрит на нее не с высот, откуда видны целие армия, в потому судьбу одного человека трудно разглядеть, смотрит в нее под микроскоп, когда детали слишком крупны, в потому общее усредняет, в просто находится разном, вместе со своими героями.

Будничное и героическое, житейское и завывающее, бытовое и поэтическое перелетает так тесно, как это бывает в жизни. И ни фоне этого еще пронзительнее и ярче вырисовывается осязаемая авторская мысль — о всей трагической противоборствительности войны, когда не только мужчины, женщины, но и дети, и женщины на земле, становятся солдатами. Именно это больше всего поражает старшину Васкова, и он в отчаянии говорит: «Пять девочек, пять девочек! А почему казаки не убьют? Будет понятно, почему вам умереть приходилось? Почему я фронт еще дальше не пустил, почему такое решение принял? Что обидно, когда слышишь, что ж это вы, мужчины, мамы вышли от пуль зацпичить не могли? Что ж это вы со смертью не ажидажи, а сами целеными. Дорогу Курдюковку берега да Белокорский казаль».

Читая повесть, несколько вспоминаешь строки Булгака Онуфриам:

Ах, война, что ты, война, сделала.
Внесла свавед — разлуку и дым.
Наши девочки платили белое
Раздарили сестричким своим...
И дала, как молитва:
По солдатам, девочки, девочки.
Постарайтесь вернуться назад!
Им очень хотелось жить, пр назвав они
не вернулись, герлоини повести Бориса
Васильева. И устану умирившей Риты
Осмыслил она оправдал старшину, не
думавшего о ней, не спрашивавшего, а
принявшего бой — враслом к плечу с
миной, — потерявших девчонок, против
смердящих малышей!

«Не надо, — тихо сказала она. — Ребята ведь не о кеналов начинаются, совсем не оттого. А мы же зацпичили. Сначала ее, а уж потом капыла».

Бескритичность повествования, тонкая линия, трагичная, грустная в то же время светлая, жизнеутрачивающая нота — это то, что залуку, подкупает в повести. В ней то сочетание бытового, поворных деталей с поэтической приподнятостью, «отрешенностью» легкими, та достоверность и в то же время некоторую условность характера, судеб, что дает большую возможность для спеического воплощения.

И вот мы услышали в этом году о премьере «А зори здесь тихие...» в Московской театре на Таганке, о потрясающей постановке Любимов, «оплоно ярким светом» вновь озарившей повесть. Потому была постановка по этой повести в Московском театре Советской Армии, премьерой в других городах.

И НАКОНЕЦ спектакль «А зори здесь тихие...» поставлен в Ленинском театре юного зрителя. ТЮЗ взял за основу инсценировку повести Ю. Любимовым и В. Глаголиным, режиссер и автор сценарической ре-

дажи — Мен Дон Эй, художник — Э. Гейдебрехт, композитор — А. Рудянский.

Интерес театров к повести «А зори здесь тихие...» не случаен. Не хватает хороших пьес именно такого плана — с тонкой героической, возвышенной и в то же время очень человеческой, затрагивающей каждого из нас. И когда театр, особенно ТЮЗ, берется за постановку такой вещи, да еще популярной и читаемой и зрителя, это почетно и рискованно. Почетно и благородно — исполнить всем, и особенно юным, беззаботным и счастливым, о тех, кому обывком они своим счастливом. Рискованно — ведь, чтобы поверили, в происходящее и прониклись мы не «показанной пороку», чтобы жила на сцене настоящая, безукоризненная жизнь, нужно полинное искусство. То, что зрелыми и умудренными опытом могут простить, постараются не заметить, юные зрители отыщут «многочисленности и безжалостности. Вряд ли кто сейчас уже будет спорить с мнением: делать это достоверно — ТЮЗ неизмеримо труднее и ответственнее, чем во взрослом театре.

В спектакле ТЮЗа «А зори здесь тихие...» — есть удачные моменты, когда тебе задает за жизнь, актеры играют с искренним желанием довести до зрителя происходящее на сцене. Музыкальные оформления помогают эмоционально воспринять спектакль. Но само решение художественное, светское оформление. И режиссером, и актерами проделана большая работа.

И если-таки, и все-таки спектакль не стал событием. Телая уж вещь «А зори здесь тихие...», что ее нужно ставить или бросать, или совсем не ставить. Это должен быть самым важным, сил-

шным не «прозрачный» спектакль, потому и требования к нему — повышенные.

Размер газетной статьи не позволяет подробно разобрать все режиссерские и актерские просчеты, проследить все — до мельчайших деталей. Скажу о том, что, на мой взгляд, стало главным просчетом спектакля. Театр взял основную сюжетную линию, и текстually спектакль почти полностью совпадает с повестью и инсценировкой (хотя режиссер некоторые эпизоды и выбрал), но оказалось, что так привлекательна и повесть Б. Васильева, — ее глубина, лиризм и психологичность, то, что стоит за словами и поступками, то, что делает факт достоянием художественного произведения, — театру не удалось сохранить. Плательность ситуаций и схематичность, «дегизная» обрисовка характера, которую нация бытовая детализация (типа называния портяной) не делает желательной. Напротив, они как-то мешают общему восприятию постановки.

Во время спектакля в зале часто звучит возмущенный крик: «Вот так! Вот так!» (когда актеры начинают степенно рассматривать и исследовать, когда им актерам, ни их героями уже можно до смеха. Конечно, и в этой можно обвинить зрителя. И в какой-то мере так оно и есть. Эстетический вкус у многих все не очень-то развит, а сценарий и 16 лет куда привычнее, чем плакать. И все-таки именно в эти моменты — когда актерам, и в особенности Флагу, выносятся требования — грусть и стилизация порою, несомненно) особенно важно. Первое действие спектакля несколько больше работа.

И если-таки, и все-таки спектакль не стал событием. Телая уж вещь «А зори здесь тихие...», что ее нужно ставить или бросать, или совсем не ставить. Это должен быть самым важным, сил-

рассказать об обычных, ничем не примечательных понаходу девушках, ставших бесчеловечными.

Но всё это нужно было сказать тоньше, догадливее. Подчеркнуть, что жизнь и смерть на войне — одно, что трагическое и светлое, смешанное и героическое — тоже рядом, — это не значит делать из первого действия почти комедию, а на второго — трагедию. А так оно и вышло, к сожалению. Не органические перелетание одного с другим, в механическом. А потому разноразличающаяся ко второму акте трагедия не прозвучала в полный голос, не потрала до глубинных души.

ИСКУССТВО театра — самое важное, благоварное и самое благодарное. Актер аванс не только от самого себя и своего настроения, но и — всецело — от зрителя. И происходит первая реакция. Нечеткость отдельных эпизодов — нечеткость восприятия зрителя в зале, это, в свою очередь, расколлаживает актёра, мешает ему раскрепоститься, «выжить» за до конца.

Актёр Петорин, истривший старшину Васкова, стремится передать основные черты характера своего героя — его светлого преклонение перед армейским уставом и в то же время доброту, широту русской души, душевность не только и не столько по уставу, сколько по жалости сердца, его поэтическую строгость и внутреннюю мягкость, его непоколебимую веру в правоту своего дела и разтерянность, потому что за дело это умирот на его глазах девочки.

Да, актер стремится изобразить Васкова именно таким, но, к сожалению, это ему не всегда удается. Васков Петорина как-то вялостую однокон прост, примельчаные, принятые даже. А на самой деле это сложный, глубокий че-

ловек, не стоек, образованный («Всего больше касается у меня и былой», но тогда, мудрый — той народной мудростью и правотой, которые от образованности зачастую не зависят... Упрощенное и схематичное, чем в повести, и образы девушек-шестички, хотя, играют актрисы довольно ровно.

Роль девочки в спектакле можно, конечно, и разными ее считать. Они позволяют увидеть, и понять происходящее, и олять убивают. Молча, без слов. Каждый раз, предвостыжая их появление, звучит трагичная музыка. Но в сна (кстати, довольно удачная) не в силах полностью передать то, что так тонко было определено в повести старшиной Васковым: «Тут было пять надо: не люди это. Не люди, товарищи бойи, не человек, не зрели даже — фашисты. Не зрели даже — фашисты. Автоматы, у которых вместо сердца и мозга — устройство, запрограммированное только на одно — на убийство».

Это и нужно было показать в спектакле. Само позволение немцам, их тыла должны быть выразительными, вызывать ужас и ненависть, а на сцене показываясь насколько довольно неуклюжими и совсем не страшными фигурами.

И все-таки в последней сцене зал захватывает. А обесчеловечив, потерявший и оплакивающий всех своих потерях Обидов, отчаявшийся, но не сдавшийся, не уступивший ни нацелю своему, старшиной Васкова, собрав последние силы, на человеческом пределе — один против десяти немцев — расстреливает их на автомате и кричит — с зростью, болью, торжествено: «Что, взяли?.. Взяти, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятерых. И не провиди вы, вынул все прощай и салюете залес, все салюете! Дичью каждого убью, дичью!».

А там пусть судят пусть! Телая звучит.

В этот момент, немощь, возмывает так долго ожиданное сопереживание, единство сцены и зала. И хочется забыть о всех режиссерских и актерских просчетах и поверить, как преданно и величаво, тридцатый сентября «А зори здесь тихие...» и увидели его другим, новым, неожиданным.

Да, театру еще предстоит большая работа...

С. ШТЕЙНГРУД,